

**«То ли верят, то ли не верят»: феномен
«колеблющихся» в конфессиональной истории
позднего СССР**

А.В. Апанасенок

Региональный открытый социальный институт,
305008, г. Курск, ул. Маяковского, 85, Россия
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена феномену неопределившихся по отношению к религии граждан позднего СССР, в советской социологии именовавшихся «колеблющимися верующими», «индифферентными», «арелигиозными», либо объединявшихся термином «колеблющиеся». Автор анализирует масштабы данного феномена и показывает, что большое количество «колеблющихся» определялось, прежде всего, распространенным в СССР конфликтом традиционно-конфессиональной и советской идентичностей. В то же время в расширении этой категории на уровне декларируемых социологических данных оказались заинтересованы и советские идеологи, стремившиеся продемонстрировать успехи антирелигиозной работы и переход верующих в разряд сомневающихся.

Ключевые слова: СССР, религиозность, позднесоветский период, идентичность, «колеблющиеся» верующие, советская социология.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №21-09-43066.

Copyright: © 2022 Апанасенок А.В. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа "Tractus aevorum" на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

"Either they believe or they don't believe": the phenomenon of "vacillators" in the confessional history of the late USSR

Aleksandr V. Apanasenok

Regional Open Social Institute,
85 Mayakovsky str., Kursk, 305090, Russian Federation
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the phenomenon of undecided about religion citizens of the late USSR who were called "wavering believers", "indifferent", "arreligious" or united by the term "vacillators" by Soviet sociology. The author analyzes the scale of this phenomenon and shows that a large number of "vacillators" were determined, first of all, by the conflict of traditional-confessional and Soviet identities widespread in the USSR. At the same time Soviet ideologists who sought to demonstrate the success of anti-religious work and the transition of believers to the category of doubters, were also interested in expanding this category at the level of declared sociological data.

Keywords: USSR, religiosity, late Soviet period, identity, "wavering" believers, Soviet sociology.

Acknowledgements. The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43066.

Введение

История России и СССР в XX в. дала немало примеров уникальных метаморфоз, связанных с политическим, социально-экономическим и культурным преобразованием общества. При этом едва ли не самой удивительной страницей советского и постсоветского прошлого отечественного социума стало быстрое и разнонаправленное изменение характеристик его конфессионального бытия. Российская империя, отличавшаяся тесной связью государственных и религиозных институтов, признававшая исключительно церковные браки и не допускавшая у своих православных подданных даже мысли об уклонении от крещения ребенка, за несколько десятилетий формально превратилась в страну массового атеизма. В начале 1970-х гг. советские социологи, оценивая долю верующих, называли цифры от 10

до 20%¹. Однако в следующие пятнадцать-двадцать лет ситуация вновь резко изменилась. Уже в 1988 г., в год тысячелетия Крещения Руси, глава Совета по делам религии при Совете министров СССР К.М. Харчев констатировал, что около 70% населения Советского Союза составляют верующие люди, среди которых много молодежи².

Разумеется, для объяснения происхождения столь противоречивых данных в рамках небольшого исторического промежутка можно и нужно говорить о разных критериях религиозности и методиках «учета» верующих, использование которых было обусловлено разным социально-политическим фоном во время «застоя» и в годы перестройки. Однако все-таки трудно допустить, что такая огромная разница была предопределена только лишь разными исследовательскими подходами инстанций, осуществлявших подсчеты. Действительно, статистическая метаморфоза имела и другую причину, связанную с готовностью заметной части населения СССР в зависимости от обстоятельств менять свою декларируемую позицию в отношении религиозной культуры. В отечественной социологии позднесоветского периода эту категорию обычно именовали «колеблющимися». Упоминания и краткие характеристики такого типа отношения к религии часто встречаются в трудах советских обществоведов 1960-х – 1970-х гг.³ Периодически указывают на него и авторы известных трудов по отечественной церковной истории XX в., появившихся уже в постсоветский период⁴. Однако предметом самостоятельных исследований феномен «колеблющихся» в СССР до сих пор не становился, что существенно затрудняет создание объективной научной картины эволюции общественного сознания в прошедшем столетии. Де-факто историками часто используется модель, предполагающая «топорное» деление общества на верующих и неверующих. Последняя не дает возможности представить многомерность духовных процессов, происходивших в Советском Союзе и отразить многообразие мировоззренческих установок его граждан.

Предмет и методология исследования

В предметном поле данной работы находится часть советского общества брежневского периода, которая, с точки зрения государственных инстанций того времени, не могла четко выразить свое отношение к религии и таким образом находилась в мировоззренческом «пограничье». Составлявших ее граждан называли носителями «отдельных религиозных предрассудков»,

¹ См., напр.: Кобецкий 1973, 128; Сухов 1973, 54.

² Религия и перестройка // Русская мысль. 1988, 22 мая

³ См., напр.: Тепляков 1967; Лебедев 1970; Серебряков 1972; Данилов, Кобецкий 1976; Кобецкий 1978 и т.д.

⁴ См., напр.: Поспеловский 1995; Одинцов 2002; Шкаровский 2010.

«неопределившимися», «нетвердыми в убеждениях», однако к 1960-м гг. самым распространенным стал термин «колеблющиеся». Изначально он использовался в широком смысле – для обозначения всех граждан, не демонстрировавших принципиальной позиции в отношении своей принадлежности к сообществу верующих. В процессе развития отечественной социологии религии в 1960-е – 1970-е гг. некоторые специалисты начали условно делить эту большую социальную категорию на две группы – «колеблющихся верующих» (то есть засомневавшихся в истинности вероучения) и «индифферентных» (или «арелигиозных», то есть отошедших от активной приходской жизни, но не ставших атеистами). Поскольку на практике грань между двумя этими группами нащупать было трудно, исследователи порой подменяли их друг другом или опять же объединяли в категорию «колеблющихся». В данной статье термин «колеблющиеся» используется в первоначальном, широком смысле.

Как видно из вышесказанного, изучение феномена «колеблющихся» потребовало обратиться к публикациям советских социологов религии 1960-х – 1970-х гг., стремившихся преодолеть раннесоветский примитивизм в описании духовной жизни общества и представить его более широкую палитру. Кроме того, в работе использовались архивные материалы из фонда Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Представители этого органа изучали конфессиональную жизнь на местах, пытались, в том числе, зафиксировать той или иной уровень «религиозности» населения. В позднесоветский период они регулярно фиксировали наличие в обществе значительной прослойки «неопределившихся» в отношении религии граждан.

В ходе исследования автором применялись методы индукции, исторической аналогии и сравнения. Кроме того, использовался историко-статистический метод, обусловленный обращением к количественным данным исследователей общественного сознания в СССР.

Примеры, которые приводятся в статье, относятся к жизни традиционно православных регионов СССР.

Результаты и их обсуждение

Предваряя анализ основного предмета исследования, приведем пример, выходящий за хронологические рамки данной статьи, однако хорошо иллюстрирующий важность проблемы «колеблющихся» для духовной истории СССР. В конце 1920-х гг. известный советский педагог П.П. Блонский организовал опрос учащихся в одной из школ Сокольнического района Москвы на предмет их отношения к религии. Опрос имел два этапа. На первом школьная учительница, по просьбе исследователя, спросила своих учеников о том, кто из них верит в Бога. Верующих оказалось двадцать, неверующих – три. На втором

этапе учительница провела с учениками предварительную беседу и сообщила, что сама она относится к числу неверующих. Повторный опрос тех же учеников дал совершенно иные результаты: верующими назвали себя уже не двадцать, а только пять человек⁵.

Думается, что в данном случае отдельно взятый класс выступил своеобразной моделью советского социума в целом. Пятнадцать из двадцати трех учеников продемонстрировали то, что Б.М. Фирсов назвал характерной особенностью общественного сознания в СССР и предложил именовать двоемыслием – способностью одновременно придерживаться двух взаимоисключающих мнений⁶. Очевидно, что ученики московской школы в большинстве случаев представляли воцерковленные семьи и с детства были привычны к идее Бога. В то же время образование в атеистически ориентированной советской школе поставило эту идею под сомнение, а стремление к социальному успеху заставляло скрывать религиозные чувства. В итоге молодые люди внутренне колебались и учились по-разному выражать свое отношение к религии в зависимости от внешних обстоятельств.

Нет оснований думать, что в позднесоветский период эти же люди (теперь уже зрелые или пожилые) должны были сильно измениться: религиозное воспитание в раннем детстве и укрепившаяся советская идентичность по-прежнему оказывали разнонаправленное влияние на их внутренний мир и располагали к «колебаниям». Впрочем, в их положении оказывались и молодые люди, посещавшие советскую школу в 1960-е гг. Об этом красноречиво говорят тексты сочинений на тему «Мое отношение к религии», которые были подготовлены ленинградскими десятиклассниками в 1967 г. Поскольку сочинения предлагалось писать для подтверждения успешности атеистического воспитания, школьникам нужно было выразить отрицательное отношение к религиозной культуре. Однако соответствующие формальные фразы не скрывали противоречивых чувств авторов. Вот характерный пример, который приводится в аналитической справке Совета по делам религий (выдержка из сочинения ученицы 10 класса школы №199): «Я вообще не интересовалась религией, но выступаю против нее ... По-моему, отдельные верующие приносят вреда. Вот, например, у меня верующая бабушка... Верующие идеалисты, а неверующие – материалисты и между ними происходит классовая борьба. Но вот я не понимаю, как может происходить классовая борьба между мной и бабушкой?»⁷. Ее сверстник из другой ленинградской школы (№18) отмечал, что не знает, «существует бог или нет», но при этом писал: «у меня бывает иногда очень странное чувство, когда я очень хочу, чтобы бог действительно был ... Очень хотелось бы чтобы

⁵ См.: Кобецкий 1978, 29-30.

⁶ Фирсов 2008, 66.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 51.

власть над всем миром была бы в руках какого-то доброго, честного, пускай и сверхъестественного существа ... Я просто в восторге от церковных праздников, обрядов»⁸.

Разумеется, советские учащиеся, полностью погруженные в мир атеистического образования и соответствующих воспитательных практик, нечасто делились своими сомнениями относительно постулатов безрелигиозной картины мира. Среди взрослых граждан, особенно тех, кто не был встроен в советскую идеологическую вертикаль, «колеблющихся» было гораздо больше. Для граждан, имевших религиозных родителей (а также бабушек, дедушек, родственников) и испытывавших в ходе общения с ними, а также прочих совместных повседневных практик влияние традиционной культуры, конфликт традиционно-конфессиональной и советской идентичностей был неизбежен. Соответственно, отечественная социология религии, в начале брежневского периода поставившая перед собой задачу создать «карту советской религиозности»⁹, должна была все чаще уделять внимание наличию в общественном сознании промежуточных между верой и неверием установок. Еще в конце 1920-х гг. советскими авторами была предложена довольно простая типология, призванная отразить разное отношение граждан к религии. В соответствии с нею, среди населения выделялись группы «убежденных верующих», «колеблющихся в своей вере», «стихийных атеистов» и «атеистов по убеждению» (то есть мотивирующих свой атеизм научными доводами)¹⁰. Эта типология периодически использовалась на протяжении нескольких десятилетий, хотя в позднесоветский период оказалась далеко не единственной. В середине 1960-х более популярным оказалось выделение групп «убежденных верующих», «колеблющихся верующих», «индифферентных» и «убежденных неверующих»¹¹. В 1968 г. Институт научного атеизма Академии общественных наук инициировал специальную дискуссию с целью разработки критериев религиозности. В ходе этой дискуссии был предложен еще несколько новых вариантов типологии отношения граждан к религии. Так, типология, предложенная Р.А. Лопаткиным, подразумевала наличие в обществе семи групп (убежденные верующие, ведущие религиозную пропаганду; убежденные верующие, не ведущие религиозной пропаганды; рядовые верующие, религиозность которых ярко не проявляется; колеблющиеся; безразличные к вопросам религии и атеизма; неверующие; убежденные атеисты)¹². Еще один известный советский автор Н.П. Алексеев тогда же предложил условно делить

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 5.

⁹ Смолкин 2021, 317.

¹⁰ Ануфриев, Кобецкий 1974, 80.

¹¹ Там же, 88.

¹² Там же, 90.

советский социум на 10 групп в зависимости от разных нюансов отношения к религии (от активных верующих до активных неверующих)¹³. Были разработаны и другие варианты¹⁴. Все они предусматривали наличие групп «колеблющихся» и «индифферентных» / «безразличных» к религии граждан. Попытки определить удельный вес таковых в советском социуме неизменно давали довольно большие цифры. Например, в ходе обследования 1966 г. в Воронеже исследователи выявили 7,2% «колеблющихся верующих» и 25,5% «индифферентных»¹⁵. В ходе аналогичного обследования в Пензе (1968 г.) выяснилось, что здесь 9,1% «колеблющихся верующих» и 30,1% «индифферентных»¹⁶. В ходе исследования 1970 г. в Алатырском районе Чувашии «индифферентной» была признана половина местных жителей¹⁷. В старых индустриальных районах с «большевистскими» традициями доля жителей, признававших свою неуверенность в религиозных вопросах, был меньше. Например, в Выборгском районе Ленинграда в 1975 г. «колеблющимися» себя назвали 12,5% местных рабочих, в Петроградском – 16%¹⁸. Впрочем, по факту нестойких в своем отношении к религии рабочих здесь было гораздо больше: в ходе того же обследования выяснилось, что 41% рабочих двух названных районов отмечали в кругу семьи или знакомых православные праздники¹⁹.

Знакомство с материалами такого рода исследований приводит к выводу, что выделение разных типов отношения к религии было не только удобно с эвристической точки зрения, но и позволяло скованным идеологическими обязательствами исследователям получать необходимый социологический результат: констатировать снижение количества верующих. Порой слабое знание опрашиваемым православной догматики давало возможность идентифицировать его в качестве «колеблющегося», нечастое посещение церкви – как «индифферентного». Так, руководитель упомянутого выше исследования религиозности православного населения Чувашии Ю.Г. Серебряков называл «индифферентными» людей, которые «по привычке» или «по традиции» (под влиянием семейных устоев) наряду с верующими соблюдают обряды и участвуют в религиозных праздниках²⁰. Отказ исследователей отнести таких людей к числу верующих позволил продемонстрировать успехи атеистической

¹³ Ануфриев, Кобецкий 1974, 88-89.

¹⁴ Климова, Молостова 2013, 117-119

¹⁵ Тепляков 1967, 134.

¹⁶ Лебедев 1970, 143.

¹⁷ Серебряков 1972, 24.

¹⁸ Данилов, Кобецкий 1976, 12.

¹⁹ Там же, 14.

²⁰ Серебряков 1972, 24.

работы: показанная в итоге доля верующих в республике составила от 4 до 35% по разным возрастным категориям²¹.

А вот, например, описание типичного «колеблющегося», предложенное советскими социологами религии в 1974 г.: «Г., слесарь, 52-х лет. В комнате иконы, 3 зажженные лампадки. Молится нерегулярно: “Спешешь на работу, иногда забываешь и помолиться“, “живу по старинке, в церковь хожу, правда нерегулярно и нечасто“; “с детьми что же с ними спорить – не хотят ходить в церковь, пускай и не ходят“. Его отношение к антирелигиозному воспитанию в школе: “Мало ли чего мне не нравится, ведь указывать-то школе я не могу, да меня и не послушают“. Священников на дом не приглашает: “Как же их приглашать? В нашем доме все рабочие нашего завода живут, еще расскажут...“. Его отношение к священнослужителям: “Что же, это своего рода тоже специальность. Вот я, например, слесарь, а он священник. Питаться-то ему надо, вот он и зарабатывает. Не могут же все одинаковым путем добывать средства к жизни“. Г. считает, что “бог вмешивается в особо важных случаях жизни, но не во все. Вот к службе и к заработку бог, конечно, никакого отношения не имеет, а в отношении тяжелобольных, это другое дело. Бывают такие случаи, когда и вылечиваются, если твердо веришь“. Миропредставления: “Произошел человек, как и все живое, а подробностей не знаю, не думал об этом“»²².

Если сравнить приведенную характеристику с описаниями религиозного сознания и религиозного поведения русских крестьян середины XIX в., активно собиравшихся корреспондентами Императорского Русского Географического Общества или Этнографического бюро князя Тенишева²³, станет очевидно, что советский слесарь с точки зрения своей религиозности не очень сильно отличался от предков, разве что в силу внешних обстоятельств боялся пригласить в дом священника. Как и дореволюционного крестьянина, его можно было бы скорее уличить в необразованности, чем в отсутствии веры. Понятно, что в советский период возможностей для религиозного просвещения у советского гражданина было еще меньше, чем у крестьянина XIX в. Проявить теологические познания он, конечно, не мог, а демонстрировать большое религиозное рвение перед советским исследователем-атеистом считал неуместным. Как следствие, слесарь формально выпал из категории верующих и оказался записан в категорию «колеблющихся». Это устраивало и его (лучше считаться «колеблющимся», чем «религиозным фанатиком»), и советские инстанции («колебания» трудящегося – первый результат проводимой атеистической работы).

²¹ Серебряков 1972, 21.

²² Ануфриев, Кобецкий 1974, 81.

²³ Многочисленные описания такого рода см., напр., в Бернштам 2007.

Религиозные «колебания» граждан советские исследователи стремились зафиксировать и во время бесед с людьми, непосредственно выходявших из православных храмов. Например, в 1966 и 1968 гг. сотрудники Воронежского опорного пункта Института научного атеизма по поручению местного обкома провели опросы граждан, посещавших церкви перед Пасхой для освящения куличей. Была поставлена задача выяснить, насколько религиозны люди, приходившие в церковь на праздник. Один из заданных вопросов касался веры в Иисуса Христа. В 1966 г. 16,5% опрошенных заявили, что «допускают» существование Христа, а 19,1% – «сомневаются». В 1968 г. доли таких граждан составили соответственно 12,2% и 25,2%²⁴. Учитывая, что существенная разница между «допущением» и «сомнением» далеко не очевидна, оказалось логично объединить обе группы граждан в категорию «колеблющихся». Получилось, что в первом случае таковых было 35,6%, во втором – 37,4%. Этот результат опять же дал возможность указать на снижение уровня религиозности в обществе, поскольку даже не все посетители пасхальных богослужений были признаны верующими.

Исследования, направленные на выявление «колеблющихся» среди посетителей православных богослужений, довольно часто проводились в конце 1960-х гг. Например, в том же 1968 г. в том же областном центре (Воронеже) сотрудники кафедры истории и теории атеизма ВГУ в ходе социологического исследования попытались определить долю убежденных верующих среди лиц, посещавших местные храмы. По результатам опросов все посетители воронежских церквей были разделены на восемь групп. В первые три вошли твердо верующие, отличающиеся друг от друга глубиной познаний в области церковной догматики. Следующие пять групп составили «колеблющиеся»: «те, которые в какой-то мере знают религиозную мифологию и допускают существование бога / Христа и справляют обряды по религиозным мотивам» (4,1% от всех посетителей церквей), «те, кто допускает существование бога, справляет обряды по религиозным мотивам, неплохо знает религиозную мифологию» (8,2%), «сомневающиеся в существовании бога-человека, хотя и знающие религиозную мифологию, соблюдающие обряды по религиозно-традиционным мотивам» (2,9%), «сомневающиеся в существовании Иисуса Христа, плохо знающие религиозную мифологию, но справляющие религиозные обряды по традиции» (20,3%), «сомневающиеся в существовании Иисуса Христа, не знающие религиозной мифологии и справляющие обряды по традиционнo-бытовым мотивам» (2,8%)²⁵. В общем итоге на долю «колеблющихся» пришлось 38,3%.

²⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154. Л. 68.

²⁵ Там же, 73.

Такого рода результаты воспринимались советскими идеологами и «профессиональными» атеистами с энтузиазмом. Например, в 1973 г. В.Д. Кобецкий писал: «надо отметить то положительное обстоятельство, что процент колеблющихся по всем возрастным группам верующих с течением времени значительно возрос. Это, наряду с уже отмеченным снижением уровня религиозности, свидетельствует о том, что интенсивность религиозности падает»²⁶.

В отношении «колеблющихся» людей, почти не участвовавших в приходской жизни, однако и не отвергавших идею Бога, а также считавших полезным участвовать в важнейших христианских обрядах, советские функционеры порой использовали термин «арелигиозные граждане». Используя для описания их мировоззренческой позиции фразу «то ли верят, то ли не верят», наблюдатели отмечали синкретизм сознания таких граждан, говоря, например, что им нравится отмечать как 1 мая, так и Пасху, как Новый год, так и Рождество. Сформированная советская идентичность и сохранявшиеся элементы идентичности православной определяли их готовность к параллельному участию в советских гражданских и православных ритуалах. «Они не прочь торжественно зарегистрировать своего ребенка, чтобы получить подарки от коллектива и после этого по совету верующих родственников понести ребенка в церковь», – читаем в аналитической справке Совета по делам религий²⁷. «Арелигиозность», как и «индифферентность» (термины часто рассматривались как взаимозаменяемые) граждан в том или ином населенном пункте рассматривалась как достижение в тех случаях, если ранее там же фиксировался высокий уровень религиозности. Впрочем, исследователи признавали неустойчивость идейных позиций «арелигиозных» и возможность их воцерковления в пожилом возрасте: «с наступлением преклонного возраста, выходом на пенсию и разрывом привычных профессиональных связей ... человек иногда обращается к религии.... Раньше такой человек мог ... не ходить в церковь, и при социологических опросах даже отнести себя к неверующим»²⁸.

История СССР показала, что опасения советских авторов-атеистов были не напрасны: множество «колеблющихся» граждан («колеблющихся верующих», «индифферентных», «арелигиозных») в конце 1980-х гг. действительно пришли к воцерковлению, резко увеличив формальную численность верующих в стране. Однако, на такой шаг их подвиг не возраст, а общественно-политические перемены и кризис советской идентичности.

Заключение

²⁶ Кобецкий 1973, 129.

²⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154. Л. 80.

²⁸ Ануфриев Л., Кобецкий В., 1974. С. 40-41.

Итак, формально неопределившиеся по отношению к религии граждане составляли весьма значительную часть населения позднего СССР. Социологические опросы, проводившиеся в 1960-е – 1970-е гг. в традиционно-православных регионах, обычно показывали, что к группам «колеблющихся верующих», «индифферентных» или «арелигиозных» относится от 30 до 50% населения. Большое количество «колеблющихся» определялось, прежде всего, распространенным в СССР конфликтом идентичностей (традиционно-конфессиональной и советской). Имея сразу несколько мировоззренческих пластов (сформировавшихся под влиянием семьи, традиционного уклада жизни, школы, советских организаций, СМИ и т.д.), такие люди либо по-разному выражали свое отношение к религии в зависимости от внешних обстоятельств, либо предпочитали его не выражать вообще. В то же время в формальном расширении (на уровне декларируемых социологических данных) этой категории оказались заинтересованы и советские идеологи, стремившиеся продемонстрировать успехи антирелигиозной работы и переход верующих в разряд сомневающихся. В силу такой установки конфессионально ориентированные граждане, слабо знакомые с церковной догматикой или редко посещавшие богослужения, выпадали из категории «верующих» и оказывались в категориях «колеблющихся» или «индифферентных». В результате формировалась идеологически приемлемая социологическая картина, которая, однако, не вполне отражала реалии духовной жизни населения СССР.

Библиография

- Ануфриев А., Кобецкий В., 1974. *Религиозность и атеизм (Социологические очерки)*. Одесса: Маяк. 152 с.
- Бернштам Т.А. 2007. *Приходская жизнь русской деревни. Очерки по истории церковной этнографии*. СПб.: издательство Санкт-Петербургского университета. 311 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 6991 – Совет по делам религий при Совете Министров СССР.
- Данилов Д.Г., Кобецкий В.Д., 1976. *Общественное мнение и научно-атеистическая пропаганда*. Ленинград: Знание. 38 с.
- Климова С.М., Молостова Е.С. 2013. Научный атеизм в поисках методологии изучения религиозности советского человека (60-е – 80-е гг. XX века). *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право*. 8 (151): 86–96.
- Кобецкий В.Д. 1973. Исследование динамики религиозности населения в СССР. *Атеизм. Религия. Современность*. Вып. 1. Ленинград: Наука: 116–130.
- Кобецкий В.Д. 1978. *Социологическое изучение религии и атеизма*. Ленинград: ЛГУ. 118 с.
- Лебедев А.А. *Секуляризация населения социалистического города. К обществу, свободному от религии: процесс секуляризации в условиях социалистического общества*. М.: Мысль. С. 140-148.

- Одинцов М.И. 2002. *Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом*. М.: ЦИНО. 310 с.
- Поспеловский Д.В. 1995. *Русская Православная церковь в XX веке*. М.: Республика. 511 с.
- Серебряков Ю.Г. 1972. *Религиозность сельского населения и задачи атеистической пропаганды*. Чебоксары: ЧКИ. 39 с.
- Смолкин В. 2021. *Свято место пусто не бывает: история советского атеизма*. М.: Новое литературное обозрение. 552 с.
- Сухов А.Д. 1973. *Религия как общественный феномен*. М.: Мысль. 144 с.
- Тепляков М.К., 1967. Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества (по материалам конкретных исследований в Воронежской области) *Вопросы научного атеизма*. Вып. 4. М.: Мысль. С. 132-139.
- Фирсов Б.М., 2008. *Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория, практики*. СПб.: Европейский Дом. 544 с.
- Шкаровский М.В. 2010. *Русская Православная Церковь в XX веке*. М: Вече. 478 с.

References

- Anufriev L., Kobeckij V., 1974. *Religioznost' i ateizm (Sociologicheskie ocherki)* [Religiosity and Atheism (Sociological Essays)]. Odessa: Mayak. 152 p. (In Russian)
- Bernshtam T.A. 2007. *Prihodskaya zhizn' russkoj derevni. Ocherki po istorii cerkovnoj etnografii* [Parish life of the Russian village. Essays on the history of Church ethnography]. SPb.: izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo un-ta. 311p. (In Russian)
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991 – Sovet po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR [Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR] (In Russian)
- Danilov D.G., Kobeckij V.D., 1976. *Obshchestvennoe mnenie i nauchno-ateisticheskaya propaganda* [Public opinion and scientific atheistic propaganda]. Leningrad: Znanie. 38 p. (In Russian)
- Klimova S.M., Molostova E.S. 2013. Nauchnyj ateizm v poiskah metodologii izucheniya religioznosti sovetskogo cheloveka (60-e – 80-e gg. XX veka) [Scientific Atheism in search of a Methodology for studying the Religiosity of the Soviet Man (60s – 80s of the XX century)] *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 8 (151): 86–96 (In Russian)
- Kobeckij V.D. 1973. Issledovanie dinamiki religioznosti naseleniya v SSSR [Study of the dynamics of religiosity of the population in the USSR]. *Ateizm. Religiya. Sovremennost'*. Вып. 1. Leningrad: Nauka: 116–130 (In Russian)
- Kobeckij V.D. 1978. *Sociologicheskoe izuchenie religii i ateizma* [The sociological study of religion and atheism]. Leningrad: LGU. 118 p. (In Russian)
- Lebedev A.A. Sekulyarizaciya naseleniya socialisticheskogo goroda [Secularization of the population of a socialist city]. In: *K obshchestvu, svobodnomu ot religii: process sekulyarizacii v usloviyah socialisticheskogo obshchestva* [Towards a Society Free of Religion: The Process of Secularization in a Socialist Society]. М.: Мysl': 140-148 (In Russian)

- Odincov M.I. 2002. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. M.: CINO. 310 p. (In Russian)
- Pospelovskij D.V. 1995. *Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke*. [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M.: Respublika. 511 p. (In Russian)
- Serebryakov Y.G. 1972. *Religioznost' sel'skogo naseleniya i zadachi ateisticheskoy propagandy* [The religiosity of the rural population and the tasks of atheistic propaganda]. Cheboksary: CHKI. 39 p. (In Russian)
- Smolkin V. 2021. *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [Sacred space is never empty. A history of Soviet atheism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 552 p. (In Russian)
- Suhov A.D. 1973. *Religiya kak obshchestvennyj fenomen* [Religion as a social phenomenon]. M.: Mysl'. 144 p. (In Russian)
- Tepliyakov M.K., 1967. *Pobeda ateizma v razlichnyh social'nyh sloyah sovetskogo obshchestva (po materialam konkretnyh issledovanij v Voronezhskoj oblasti)* [The victory of atheism in various social strata of Soviet society (based on the materials of specific studies in the Voronezh Region)]. In: *Voprosy nauchnogo ateizma [Questions of scientific atheism]. Vyp. 4*. M.: Mysl': 132-139 (In Russian)
- Firsov B.M. 2008. *Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya, praktiki* [Dissent in the USSR, 1940s-1960s: History, Theory, Practice]. SPb.: Evropejskij Dom. 544 p. (In Russian)
- Shkarovskij M.V., 2010. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M: Veche. 478 p. (In Russian)

Об авторах

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт», Курск, Россия. ORCID ID 0000-0003-4650-3730.

About the authors

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Docent, Vice-Rector on Research and International Relations, Regional Open Social Institute, Kursk, Russia. ORCID ID 0000-0003-4650-3730.

Поступила в редакцию: 25.04.2022
Принята к публикации: 21.06.2022

Submitted: April 25, 2022
Accepted: June 21, 2022